

Секция «Юриспруденция»

Частное в праве

Чувальникова Анна Сергеевна

Аспирант

Московский университет МВД России, Факультет подготовки научных и научно-педагогических кадров, Москва, Россия

E-mail: anyachas@rambler.ru

Частное в праве.

Принято считать, что в советский период истории отечественного государства частноправовые принципы, правовые конструкции и соответствующие модели экономического развития были преданы забвению и только в период постсоветских реформ получили свое «право на жизнь». Однако если существование частного в праве отражает, как полагал Б.Б. Черепахин [2], объективную закономерность развития права, то общество не может просто вычеркнуть из своей правовой жизни все частное. Возникает вопрос: в каких формах частное продолжает существовать в обществе, где государственная практика нивелировала его ценность. В настоящей статье мы не ставим задачу установления конкретных форм проявления частного в огосударствленной экономике и жизни советского общества, это может быть предметом самостоятельного историко-правового исследования. Однако такая постановка вопроса позволяет обосновать актуальность рассмотрения общетеоретических аспектов проявления частного в праве.

Очевидно, что если официальная политика государства не признает ничего частного в праве, то проявления частного становится затруднительно обнаружить именно в юридическом праве. Если исходить исключительно из установок юридического правопонимания, то неизбежен вывод об отсутствии здесь вообще правовых форм проявления частного, что значительно упрощает представление о правовой жизни общества.

Восстановить действительное состояние общественных отношений в подобных условиях становится возможным, если взять в качестве исходной методологической установки предположение о существовании права в различных формах, в том числе неюридических. Такая постановка проблемы становится возможной в рамках социологического и социо-антропологического типов правопонимания. Соответственно, под правом в данном случае следует понимать систему правовых отношений независимо от того, соответствуют ли эти фактические отношения («живое право») той системе долженствования, которая закреплена позитивным (в этом смысле «мертвым») правом.

Однако, вне какой бы то ни было системы долженствования такой подход может оказаться не критичным. Поэтому, прежде всего, следует определиться с тем, что в случае признания многообразия форм существования права, следует рассматривать в качестве приемлемого для теоретико-правового анализа критерия собственно частного в праве. Очевидно, сам по себе социологический подход оставляет возможность для различных интерпретаций такого критерия. Определенность в этом вопросе возможна скорее, если исходить из идей гуманизма, представлений о природе самого человека, то есть, привнеся в социологический подход элементы антропологического типа правопонимания. Критерием частного в праве в таком случае становятся правовые качества, те частные интересы личности, проявление которых в праве неотделимо от понимания природы человека. Социо-антропологический подход, таким образом, устанавливает критерии,

необходимые для того, чтобы отличить правовое от неправового, проявления частного в праве, детерминированные естественно-правовыми качествами личности, от проявлений частного произвола, эгалитаризма и криминального в общественных отношениях.

Одним из таких естественных для личности правовых качеств, становится ее самостоятельность. Однако последняя не абсолютна в том смысле, что всегда ограничена возможностями той среды права, в условиях которой она может проявиться. Проявление самостоятельности здесь становится возможным, прежде всего, посредством правового выбора той социальной группы, в условиях которой личность готова осознанно ограничить себя теми или иными правилами. В связи с этим, представляется возможным говорить о проявлениях частного в такой форме права, как групповое право, подразумевая под ним совокупность правовых отношений, формирующихся на уровне различных коллективных объединений. Эти отношения, конечно, в той или иной мере находят свое отражение в корпоративных локальных правовых актах, однако, существование последних выполняет скорее организующую роль, оформляет уже сложившийся порядок социальных взаимодействий. Если будет отсутствовать общность интересов, готовность подчиняться общим правилам, под вопросом оказывается сохранение самой группы (корпорации и т.п.).

Представляется, что в условиях огосударственной общественной жизни частное сохраняется в праве именно на уровне группового права. Само по себе данное обстоятельство не отрицает возможности проявиться частному в праве достаточно полно, так как мы не отождествляем самостоятельность как правовое качество личности с проявлением так называемой индивидуалистической психологии, в основном отражающей идейные установки западно-европейского либерализма.

Научный интерес также может представлять установление проявлений частного в таких формах существования права, как: индивидуальное право, обычное право, общественное право, в том числе моральное право и право гражданского общества и др.[1]

В целом, установление проявлений частного в различных формах существования права позволяет сделать вывод о том, что предпринимавшиеся в политике не только российского государства, но и других стран попытки отрицания частного в праве объективно не могли привести к полному «вырождению» частного, вынуждая его существовать в альтернативных официальному государственному праву формах. Однако такая политика имела свои последствия: в реальной правовой жизни круг проявлений частного в праве сократился, в том числе за счет того, что выйдя за рамки юридического поля, эти проявления приобрели альтернативные не только юридическому праву, но иным формам права способы существования, в том числе криминализованные.

Литература

1. Малахов В.П. Философия права: формы теоретического мышления о праве: учебное пособие. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. С. 125.
2. Черепахин Б.Б. К вопросу о частном и публичном праве. Иркутск, 1926. – 26 с.

Слова благодарности

Выражаю благодарность моему научному руководителю полковнику полиции кандидату юридических наук, доценту Мамонтову Александру Григорьевичу.